ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

РАБОЧІЙ ДЕНЬ

ИЗДАНІЕ

„СОЮЗА БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНІЕ РАБОЧАГО КЛАССА“

ЖЕНЕВА

Типографія „Союза русскихъ соціальдемократовъ“.

1897

РАБОЧІЙ ДЕНЬ.

Каждый изъ васъ знаетъ хорошо, что значитъ быть рабочимъ: это значитъ, прежде всего, трудиться, — и какъ трудиться! Много и тяжело. Портному-ли, сапожнику, слесарю, фабричному рабочему, — всѣмъ жизнь не легка. Вертѣть машину, сидѣть, согнувшись въ три погибели надъ верстакомъ, бить тяжелымъ молотомъ, строгать — и все это не часъ, не день, и даже не годъ, но всю жизнь. Да, печальна судьба рабочаго! Неудивительно, поэтому, что рабочіе все жалуются на свою горькую участь. Но при этомъ они замѣчаютъ: намъ, правда, приходится тяжело, но что же дѣлать? Какъ горю-то помочь? Ѣсть-пить никакъ надо вѣдь, а хлѣбъ-то зарабатывать нужно: даромъ никто не дастъ; такъ какъ же намъ иначе устроиться?

Такимъ образомъ, постоянная забота о насущномъ кускѣ хлѣба отнимаетъ всякую возможность хорошенько обдумать да обсудить свое положеніе. Каждый рабочій отдѣльно мало помышляетъ о томъ, не можетъ-ли произойти какое-либо облегченіе въ его трудовой жизни; и если не работать нельзя, то нельзя-ли устроить такъ, чтобы работа эта была по силамъ и въ мѣру?

Да, въ мѣру! Но вѣдь если мы уменьшимъ мѣру работы, то намъ жить будетъ нечѣмъ; какую же пользу принесетъ намъ уменьшеніе работы, когда у насъ не будетъ необходимаго намъ количества пищи и питья? Нѣтъ, не это для насъ средство къ облегченію!

Но полно, такъ-ли это на самомъ дѣлѣ, какъ каждый изъ насъ думаетъ? Попробуемъ-ка обсудить всѣ вмѣстѣ, такъ-ли это; будутъ-ли зарабатывать меньше, если, напр., вмѣсто 13-14 часовъ въ сутки станутъ работать лишь 12 часовъ или еще меньше?

Каждый изъ насъ знаетъ, что не всегда зарабатываемъ мы одинаково, что въ жизни рабочаго бываютъ всякія времена: и лучшія, и худшія, и совсѣмъ скверныя, и даже такія, когда вовсе нѣтъ работы. Когда хозяинъ нуждается въ рабочемъ, тогда рабочій получаетъ большую плату; наоборотъ, когда онъ въ немъ не нуждается, тогда рабочій набивается на работу, и хозяинъ, пользуясь его нуждой, понижаетъ плату.

Но спрашивается: когда хозяинъ нуждается въ рабочихъ? Тогда, когда у него много работы и когда на рынкѣ притомъ мало свободныхъ рабочихъ. Напр., когда хозяинъ долженъ приготовить въ одинъ день извѣстную работу, которая должна занять, положимъ, 60 часовъ времени, и если у него въ мастерской или на фабрикѣ работаютъ 12 часовъ въ день, то эту работу исполнятъ ему 5 раб. въ одинъ день. Но представьте себѣ, что эти же рабочіе будутъ работать по 10 час. въ сутки; что произойдетъ тогда? Что станетъ дѣлать хозяинъ? Вѣдь тогда его рабочіе не приготовятъ ему всей работы въ одинъ день, и ему останется только одно средство: принять **шестого** работника. Итакъ, если ему вмѣсто пяти нужны будутъ шесть рабочихъ, то онъ будетъ больше въ нихъ нуждаться, а такъ какъ ему придется нанять большее число рабочихъ, то ихъ ужъ не такъ много останется безъ работы, и ему невозможно будетъ по этимъ двумъ причинамъ понизить имъ плату; такимъ образомъ, рабочіе будутъ меньше трудиться и больше зарабатывать.

Теперь мы можемъ вернуться къ прежнему вопросу: если это такъ, то правы-ли рабочіе, полагая, что имъ невозможно сократить время работы? Очевидно, что неправы.

Однако среди насъ найдутся, навѣрное, такіе, которые скажутъ: да, правда-то правда, но здѣсь все время рѣчь шла о тѣхъ, которые работаютъ поденно, понедѣльно, помѣсячно; что же касается поштучниковъ, то вѣдь для нихъ, безъ сомнѣнія, выгоднѣе какъ можно дольше работать, такъ какъ чѣмъ больше они вырабатываютъ, тѣмъ больше получаютъ.

Возьмемъ тотъ же примѣръ и посмотримъ, правда-ли это. Положимъ, что тотъ же хозяинъ, о которомъ мы говорили выше, платитъ за работу поштучно, что же тогда? Рабочіе стараются трудиться 15 часовъ въ сутки, зарабатываютъ, правда, больше, но это можетъ продолжаться лишь самое короткое время.

Въ самомъ дѣлѣ, сколько человѣкъ можетъ занять эта работа? Всего четверыхъ, а остальные двое изъ прежнихъ шести остаются безъ работы. Но жить имъ все таки надо, поэтому они приходятъ къ хозяину и говорятъ ему, что согласны работать за меньшую плату, лишь бы получить работу. Хозяинъ, разумѣется, пользуется этимъ и говоритъ своимъ рабочимъ-поштучникамъ: „я могу достать болѣе дешевыхъ работниковъ, за такую-то и такую-то плату; поэтому, если вы согласны на тѣ же условія, то оставайтесь, если же нѣтъ, то убирайтесь по добру по здорову!“ И вотъ поштучные работники принуждены работать по 15 часовъ въ сутки и получать столько, сколько раньше они получали за 12 часовъ, и такимъ образомъ тоже не много выиграютъ отъ удлиненія своего рабочаго дня: они увеличиваютъ число безработныхъ, которые изъ нужды понижаютъ плату, и поштучники остаются въ дуракихъ.

Что это на самомъ дѣлѣ такъ, что, меньше трудясь, рабочіе зарабатывали бы не меньше прежняго, видно еще изъ слѣдующаго разсчета: у насъ въ Россіи въ настоящее время около 1.400.000 фабричныхъ рабочихъ, не считая кустарей и ремесленниковъ, и они работаютъ, среднимъ числомъ, по 14 час. въ сутки; если бы они работали по 13 часовъ, то были бы заняты еще 100.000 рабочихъ, и меньшее число людей ходило бы безъ работы, всѣ рабочіе могли бы получать лучшую плату и, слѣдовательно, работая меньше, зарабатывали бы больше.

Но какъ же поступить въ такихъ ремеслахъ и про-

изводствахъ, гдѣ работа можетъ совершаться лишь въ извѣстную часть года, т.-е. гдѣ бываетъ такъ-назыв. сезонная работа, какъ напр., у каменьщиковъ, штукатуровъ, портныхъ, модистокъ и т. п.? Какъ быть съ ними всѣми? Развѣ могутъ каменьщики, штукатуры сократить свое рабочее время, когда ихъ работа зависитъ отъ времени года и должны имъ пользоваться? Или возьмемъ портныхъ: развѣ они могутъ сократить рабочій день, когда ихъ работа продолжается лишь извѣстное время, а потомъ они остаются безъ работы? Чего же они добиваются? Для нихъ, напротивъ, выгоднѣе больше работать, такъ какъ время коротко, и они должны дорожить каждой минутой. Нѣтъ, это не такъ.

Если они будутъ меньше работать, то въ нихъ будутъ больше нуждаться, и имъ можно будетъ потребовать увеличенія платы, такъ что они будутъ въ то же время и больше зарабатывать.

Такъ-то дѣло будетъ происходить въ срочныхъ работахъ, которыя находятся въ полной зависимости отъ времени года; что же касается другихъ ремеслъ, какъ напр., у портныхъ, модистокъ и т. д., то работники сокращеніемъ рабочаго времени добьются того, что самый сезонъ продлится, потому что если работа не будетъ приготовлена къ опредѣленному сроку, то часть ея останется на другое время, и работники, благодаря этому, меньшее время будутъ оставаться безъ работы; а затѣмъ, когда покупатели привыкнутъ къ тому, что передъ праздниками или передъ наступленіемъ весны или осени трудно у портныхъ получить заказъ въ срокъ, они станутъ отдавать заказы раньше, и сезонъ, такимъ образомъ, удлинится самъ собою.

Теперь вы видите ясно, что и для такихъ рабочихъ сокращеніе рабочаго дня полезно.

Однимъ словомъ, очевидно, что для всѣхъ рабочихъ выгодно сократить рабочій день, и что они притомъ могутъ зарабатывать не только не меньше, но даже и больше прежняго, и меньшее время будутъ оставаться безъ работы. Справедливость этого подтверждаютъ

многіе факты изъ рабочей жизни. Въ Германіи, напр., столяры не во всѣ времена работали одинаково и получали одинаковую плату; а именно, когда они работали по 13 час. въ сутки, т. е. по 78 час. въ недѣлю, они получали 7 руб. 30 коп. въ недѣлю; когда они стали работать 12 час., они стали получать 8 руб. 43 коп. въ недѣлю; когда же они добились пониженія рабочаго дня до 11 час., то ихъ заработокъ соотвѣтственно съ этимъ поднялся до 8 руб. 60 коп. и, наконецъ, достигъ 10 руб. 80 коп. въ недѣлю при работѣ въ 9-10 час. ежедневно. Итакъ, ихъ заработная плата поднялась съ 7 до 10 руб., когда они стали работать четыреми часами въ день меньше. И не одни столяры, но и булочники также добились сокращенія своего рабочаго времени на два часа и вмѣстѣ съ тѣмъ плата ихъ увеличилась на 6 руб. въ недѣлю. Подобнымъ же образомъ и въ Англіи; въ Лондонѣ рабочіе газовыхъ заводовъ добились введенія восьмичасоваго рабочаго дня вмѣсто девятичасоваго, благодаря чему нѣсколько тысячъ безработныхъ нашли себѣ работу и, кромѣ того, произошло повышеніе заработной платы.

У насъ въ Россіи, въ Московской губ., на ткацкихъ фабрикахъ заработная плата измѣнялась слѣдующимъ образомъ: когда рабочій день продолжался 15-16 $^{1}/_{2}$ час., ежемѣсячный заработокъ простирался среднимъ числомъ до 16 руб 16 коп.; когда стали работать 14-15 час. ежедневно, заработная плата поднялась до 18 руб. 89 коп., т. е. увеличилась на 2 руб. 70 коп.; когда добились новаго сокращенія рабочаго дня, т. е. когда онъ понизился до 13-14 $^{1}/_{2}$ час., то плата снова повысилась — до 20 руб., т. е. на 1 руб. 11 коп. и, наконецъ, достигла 21 руб. 66 коп. ежемѣсячно, когда стали работать всего 11 $^{1}/_{3}$-12 $^{3}/_{4}$ час. въ сутки. Такимъ образомъ, если мы сравнимъ заработную плату при 15-16-тичас. рабочемъ днѣ и теперешнюю при 12-13-тичасовомъ, т. е. когда рабочій день уменьшился на три часа, то мы увидимъ, что заработная плата повысилась съ 16 р. 16 к.

до 21 рубля 66 коп., или на 5 рублей 50 копѣекъ.*)

Въ Западномъ Краѣ, съ тѣхъ поръ, какъ начали добиваться болѣе короткаго рабочаго дня, съ тѣхъ поръ, какъ стали требовать, чтобы работа длилась лишь столько, сколько указываетъ законъ для ремесленниковъ, т. е. 10 час., также замѣтно стало повышеніе заработной платы у сапожниковъ, у щеточниковъ и у нѣкоторыхъ другихъ. Щеточникъ, напр., когда работалъ зимой по 15 час., а лѣтомъ по 13½ час. ежедневно, получалъ въ среднемъ 2 руб. 75 коп. въ недѣлю, т. е. опять таки, — при сокращеніи рабочаго дня на 1-2-4 часа (теперь въ однихъ мастерскихъ работаютъ отъ 7 утра до 7 вечера, въ другихъ отъ 7 до 8, въ третьихъ отъ 7 до 9) стали получать еженедѣльно на 50 коп. больше; тоже самое произошло у сапожниковъ и у наборщиковъ. Однимъ словомъ, вездѣ замѣчается одно и то же явленіе: **съ сокращеніемъ рабочаго дня увеличивается заработная плата.**

Однако, многіе съ недовѣріемъ относятся къ этимъ фактамъ и утверждаютъ, что этого быть не можетъ, такъ какъ, наоборотъ, самому хозяину вѣдь выгоднѣе платить рабочимъ больше, если они у него дольше работаютъ. Но и это невѣрно, доказательствомъ чему служатъ опять-таки примѣры, взятые изъ жизни рабочихъ. —скіе рабочіе стали работать вмѣсто 8 часовъ ежедневно 12 часовъ, и плата ихъ, слѣдовательно, должна бы повыситься на половину, а увеличилась она лишь на четверть. Да и это повышеніе было лишь вначалѣ, а потомъ дѣло вышло какъ разъ наоборотъ: такъ какъ они производили больше товаровъ, то для исполненія той же работы требовалось меньшее число работниковъ, и потому большее число оставалось безъ работы; эти безработные, предлагая свои услуги, естественно понижали плату занятыхъ рабочихъ. Итакъ очевидно, что въ концѣ концовъ рабочіе ничего не выиграли отъ увеличенія своего рабочаго дня: имъ приходится только за ту же плату дольше работать.

*) Въ Россіи рабочій день продолжается среднимъ числомъ 13-14 час., а въ Америкѣ (Соед. Штатахъ) всего 9-10 час.; между тѣмъ плата за каждый рабочій часъ въ Америкѣ въ 5 разъ больше чѣмъ въ Россіи. Точно также и въ Англіи: при 9-10часовомъ днѣ плата въ четыре раза больше, чѣмъ въ Россіи

Вотъ мы видѣли много примѣровъ для доказательства того, что все это вѣрно. Но примѣры эти взяты большею частью изъ такихъ странъ, мѣстностей и городовъ, гдѣ промышленность сильно развита, гдѣ машина уже въ значительной степени вытѣснила ручной трудъ и гдѣ, поэтому, менѣе нуждаются въ рабочемъ и легче могутъ обходиться безъ профессіональныхъ работниковъ, т. е. такихъ, которые хорошо изучили бы одно какое-нибудь ремесло, такъ какъ машина упрощаетъ трудъ до того, что ему всякій можетъ научиться а благодаря этому, если работникъ потребуетъ увеличенія своей платы или сокращенія рабочаго дня, то онъ всегда можетъ быть замѣненъ другимъ.

Однако, не смотря на это, рабочимъ всетаки удалось при уменьшеніи рабочаго дня достигнуть одновременнаго увеличенія своей платы, такъ какъ при всякихъ условіяхъ сокращеніе рабочаго дня всегда ведетъ къ уменьшенію общаго числа безработныхъ и тѣмъ самымъ слѣдовательно, увеличиваетъ заработную плату занятыхъ рабочихъ.

Что же касается такихъ городовъ и мѣстъ, гдѣ крупная машинная промышленность еще слабо развита, гдѣ въ большей части ремеслъ господствуетъ ручной трудъ и гдѣ, поэтому, качество и количество работы зависитъ, главнымъ образомъ, отъ искусства каждаго отдѣльнаго работника, то тамъ рабочимъ еще легче добиваться исполненія своихъ требованій: въ случаѣ отказа со стороны рабочаго работать при тѣхъ условіяхъ, какія ему предлагаетъ хозяинъ, его не такъ легко будетъ замѣнить машиной или другими рабочими.

Мы раньше видѣли, что всѣ обстоятельства, которыя такъ или иначе вліяютъ на заработную плату рабочихъ, получающихъ ее поденно, оказываютъ такое же вліяніе на рабочихъ поштучниковъ; поэтому, все, что до сихъ

поръ говорилось о первыхъ, цѣликомъ приложимо и къ послѣднимъ; на всѣ ихъ возраженія, что съ сокращеніемъ рабочаго дня они будутъ производить меньше, а потому и получать меньше, имъ можно представить все тотъ же неопровержимый доводъ: если они будутъ работать меньшее время, то придется занять большее число рабочихъ, останется меньшее число безработныхъ, ослабѣетъ конкурренція между рабочими, и они будутъ въ состояніи, благодаря этому, повысить свою поштучную плату, такъ что, въ концѣ концовъ, сокращеніе рабочаго дня не принесетъ никакого ущерба ихъ ежедневному или еженедѣльному заработку. И это мы можемъ подтвердить примѣромъ, взятымъ снова изъ жизни рабочихъ. Въ Берлинѣ въ 1862 году каждый каменьщикъ клалъ въ день по 623 кирпича, а въ 1873 году, когда рабочій день былъ уменьшенъ, каждый работникъ могъ класть всего 304 кирпича; между тѣмъ, заработная плата съ 1 р. 05 к. повысилась до 2 руб. 25 коп. Вотъ примѣръ того, что и у поштучниковъ при сокращеніи рабочаго дня увеличивается заработная плата. Послѣ всего сказаннаго это должно быть для васъ совершенно ясно.

* * *

Короткій рабочій день имѣетъ много такихъ преимуществъ, которыя съ перваго раза, пожалуй, не замѣтны. Такъ напр., сокращеніе рабочаго времени даетъ возможность производить больше, потому что трудъ становится напряженнѣе, или, какъ говорятъ, интенсивнѣе; это значитъ, что въ каждый часъ рабочій производитъ больше продуктовъ, чѣмъ при длинномъ рабочемъ днѣ. Въ справедливости этого насъ убѣждаютъ многочисленные факты и примѣры, какъ изъ быта рабочихъ, такъ и изъ повседневной жизни вообще.

Всякій изъ васъ знаетъ, что когда приходится совершать пѣшкомъ длинный путь, то къ концу пути идешь гораздо медленнѣе, чѣмъ въ началѣ, когда идешь со свѣжими силами. Но при работѣ это гораздо меньше замѣтно, такъ какъ рабочіе до того привыкли къ своему тяжелому положенію, что, по мнѣнію многихъ изъ нихъ, сокращеніе рабочаго дня часа на два никакого существеннаго облегченія не доставитъ, а лишь уменьшитъ количество выработанныхъ продуктовъ. Но какъ то, такъ и другое совершенно несправедливо; самое ничтожное сокращеніе рабочаго времени дѣлаетъ работника бодрѣе, сильнѣе, а благодаря большему отдыху, онъ можетъ всегда съ свѣжими силами приняться за свой трудъ, и потому онъ производитъ не меньшее, чѣмъ прежде, количество продуктовъ. Это явленіе извѣстно уже и фабрикантамъ, и нѣкоторые изъ нихъ начинаютъ сами вводить болѣе короткій рабочій день, такъ какъ при этомъ количество производимыхъ продуктовъ не уменьшается, а качество ихъ становится лучше, опять таки по той же причинѣ.

Въ Австраліи, напр., почти повсюду введенъ восьмичасовый рабочій день, и тамъ производятъ въ это время не меньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ работаютъ 13-14-15 час. въ сутки. Отчеты одной фабрики показываютъ, что при тѣхъ же орудіяхъ производства стали вырабатывать 776-777 фунт. пряжи. Далѣе, во Франціи каждый рабочій производитъ товару въ годъ на 1337 руб., а въ Америкѣ (С.-Штатовъ), гдѣ рабочій день на **три часа короче,** чѣмъ во Франціи, работникъ производитъ товаровъ на 4073 руб. въ годъ. Подобные же примѣры мы можемъ видѣть и у насъ въ Россіи. Въ 1893 году на фабрикѣ Шайблера въ Лодзи ввели 12-тичасовой день вмѣсто 13-тичасового*); этому примѣру послѣдовали и другіе фабриканты, и теперь они говорятъ, что нисколько не раскаиваются въ этомъ: у нихъ производится продуктовъ не меньше, чѣмъ прежде, такъ какъ рабочій менѣе утомленный и обезсиленный чрезмѣрной работой можетъ производить больше. Въ Московской губ. работаютъ днемъ и ночью, всего около

*) Шейблеръ сдѣлалъ это потому, что опасался, какъ бы рабочіе не устроили стачки, какъ они сдѣлали въ 1892 году, и потому счелъ за лучшее предупредить ихъ, и самому исполнить то, чего они могли бы потребовать.

15-16 часовъ въ сутки; въ Петербургѣ ночной работы нѣтъ, и все-таки, по увѣренію петербугскихъ фабрикантовъ, у послѣднихъ производится больше товаровъ и ихъ качество лучше.

Тутъ вы, навѣрное, возразите: но если при короткомъ рабочемъ днѣ будетъ, въ концѣ концовъ, вырабатываться не меньшее количество продуктовъ, то вѣдь повторится прежняя исторія: потребуется меньшее количество рабочихъ, останется больше безработныхъ, и заработная плата понизится.

Такъ-то оно было бы такъ, еслибы вы не забыли одного важнаго обстоятельства: вѣдь для того, чтобы добиться болѣе короткаго дня, рабочіе должны сплотиться, объединиться, крѣпко стоять другъ за дружку; поэтому, когда они сокращеніемъ рабочаго времени вызовутъ увеличеніе заработной платы, то потомъ уже у нихъ не легко будетъ отнять то, чего они добились: наученные опытомъ, соединившись вмѣстѣ, они будутъ такъ же крѣпко отстаивать свою плату, какъ раньше добивались уменьшенія рабочаго дня; притомъ гораздо легче сохранить за собою то, что уже имѣешь, чѣмъ добыть что-нибудь новое.

Итакъ, на вашъ первый вопросъ, не уменьшите-ли вы свою долю пищи, питья и вообще средствъ къ жизни, сокративъ рабочій день — остается все одинъ и тотъ же отвѣтъ: **нѣтъ, не только не уменьшите, но даже увеличите.**

* * *

Посмотримъ теперь, какія еще выгоды, кромѣ непосредственнаго увеличенія заработной платы, доставитъ рабочимъ сокращеніе рабочаго дня. Прежде всего не отзовется-ли оно благопріятно на ихъ здоровьи? Безусловно, да, потому что длинный рабочій день служитъ для нихъ источникомъ всевозможныхъ болѣзней и даже преждевременной смерти.

Чтобы лучше понять все это, вы должны сперва знать, что вообще человѣку необходимъ трудъ, но трудъ

въ мѣру: какъ недостаточный трудъ, такъ и чрезмѣрный одинаково вредны для человѣка: они ослабляютъ его организмъ и причиняютъ ему болѣзни и страданія. Вы, можетъ быть, возразите на это, что богатые не трудятся вѣдь, а тѣмъ не менѣе нисколько отъ этого не страдаютъ. Но это не такъ. Богачи-праздношатающіеся, взамѣнъ простого труда, прибѣгаютъ къ искусственнымъ средствамъ, въ родѣ гимнастики, велосипедной ѣзды и т. п., или же дѣйствительно болѣютъ и потому постоянно лечатся, ѣздятъ на воды и т. д. Значительно большія страданія происходятъ отъ чрезмѣрнаго труда бѣдняковъ-рабочихъ, при чемъ усталость или страданіе одного органа отзывается на всемъ тѣлѣ.

Однако, какое же отношеніе, спросите вы, имѣетъ, напр., рука къ головѣ и сердцу?

Дѣло въ томъ, что вполнѣ нормальнымъ и здоровымъ человѣческій трудъ бываетъ лишь тогда, когда упражняются всѣ части тѣла, всѣ органы; если же упражняются только одни органы, то они развиваются въ ущербъ другимъ: такъ, правая рука сильнѣе лѣвой. Кромѣ того, что значитъ вообще работать? Это значитъ двигать нашими органами; но они приводятся въ движеніе, благодаря существованію у насъ множества тонкихъ волоконъ, которые называются *нервами*; они разсѣяны у насъ по всему тѣлу и сходятся въ одномъ мѣстѣ, а именно въ головномъ мозгу, гдѣ переплетаются и соединяются между собою. Такимъ образомъ, усталось какого-либо органа вызываетъ страданія соотвѣтствующихъ нервовъ, а черезъ нихъ передается всей головѣ. Да вы и сами изъ опыта знаете, что отъ усиленной работы руками болитъ грудь, ломитъ въ спинѣ и кружится голова. А такая усиленная работа продолжается не часъ и не день, а годы, всю жизнь. Неудивительно, поэтому, что рабочіе такъ часто болѣютъ и такъ рано истощаются, старѣются и умираютъ. Всѣмъ извѣстно, что смертность среди рабочаго класса гораздо болѣе распространена, чѣмъ среди болѣе обезпеченныхъ классовъ. Такъ напр., въ Гамбургѣ вычис-

лено, что средній возрастъ жизни высшихъ классовъ — около 35 лѣтъ, а рабочихъ — всего 15 лѣтъ. Разница не малая! И происходитъ это оттого, что рабочій трудится не столько и не такъ, какъ этого требуетъ природа его организма, но гораздо больше, и при томъ при такихъ условіяхъ, которыя прямо убійственны для его здоровья. Человѣку нуженъ для дыханія свѣжій воздухъ, а рабочіе находятся въ спертыхъ, душныхъ помѣщеніяхъ, отчего они страдаютъ лихорадкой; человѣку вредно быстро переходить изъ жары въ холодъ, а между тѣмъ на прядильныхъ фабрикахъ, напр., есть отдѣленія, гдѣ стоитъ очень высокая температура, необходимая для сушки шерсти, а рабочимъ приходится изъ этихъ отдѣленій зимой въ морозы выбѣгать на дворъ! Подобная перемѣна температуры быстро разрушаетъ здоровье рабочаго: онъ начинаетъ страдать ревматизмомъ, болѣзнями легкихъ, да и этимъ-ли однимъ? Въ сущности, если хорошенько подумать, то мы увидимъ, что рабочій еще раньше своего появленія на свѣтъ, въ чревѣ матери страдаетъ уже всевозможными болѣзнями, служащими причиной его преждевременной смерти. Да чрезмѣрная работа при подобныхъ условіяхъ особенно вредна для женщинъ, которыя заболѣваютъ женскими болѣзнями и рожаютъ раньше времени: понятно, что за поколѣніе можетъ отъ этого произойти! Когда же дѣти доживаютъ, наконецъ, до 6-8-милѣтняго возраста, ихъ уже посылаютъ въ этотъ промышленный адъ, потому что отецъ, работая на фабрикѣ слишкомъ долго, тѣмъ самымъ, какъ извѣстно, понижаетъ заработную плату, которая оказывается недостаточной для прокормленія его семьи, и потому онъ принужденъ посылать на фабрику и жену, и дѣтей. Но кто не видѣлъ дѣтей рабочихъ? Кто не встрѣчалъ эти блѣдныя, худенькія, истощенныя личики на спичечныхъ или рогожныхъ фабрикахъ? На этихъ юныхъ, преждевременно состарившихся лицахъ можно прочесть лучше, чѣмъ во всякихъ таблицахъ, лучше, чѣмъ въ отчетахъ докторовъ, какъ вліяетъ на слабое здоровье дѣтей эта каторжная работа въ зараженной атмосферѣ (воздухѣ).

Несчастныя дѣти, которыя уже рождаются слабыми, какъ мы раньше видѣли, которыя ростутъ безъ всякаго призора, которыя съ раннихъ лѣтъ должны отправляться на эти ужасныя для нихъ фабрики, уродующія ихъ, лишающія ихъ зубовъ, какъ напр., на спичечныхъ фабрикахъ, гдѣ у дѣтей отъ сѣры гніютъ десна и выпадаютъ зубы; эти несчасныя дѣти, которыя, если имъ удастся вырости, становятся слабыми, истомленными, преждевременно состарившимися рабочими, — повторяю, показываютъ лучше всего, какое вліяніе оказываетъ чрезмѣрная работа: дѣйствительно, болѣзни, незначительно развитыя у дѣтей, усиливаются у взрослыхъ, и каждый рабочій страдаетъ какою-нибудь болѣзнью.

Такъ, наборщики страдаютъ постоянно чахоткой и, кромѣ того, отъ свинца, который они вдыхаютъ, у нихъ выгниваютъ десны и зубы. Портнихи отъ постоянной работы на машинѣ страдаютъ женскими болѣзнями; у работниковъ и работницъ на папиросныхъ фабрикахъ болятъ голова и глаза, дрожатъ руки и т. п. Однимъ словомъ, каждое ремесло причиняетъ свои болѣзни, — и понятно, тѣмъ скорѣе заболѣваютъ, чѣмъ больше приходится работать.

Вотъ нѣсколько наиболѣе очевидныхъ фактовъ: у рабочихъ умираетъ дѣтей въ возрастѣ до двухъ лѣтъ больше, чѣмъ у кого бы то ни было. Отчего же это такъ? Оттого, что матери рожаютъ прежде времени, оттого, что сами онѣ слабы и больны и рожаютъ, конечно, такихъ же дѣтей; оттого, что онѣ не въ состояніи ухаживать и присматривать за ними. А что дѣлаетъ съ женщинами фабричная работа, видно изъ слѣдующихъ цыфръ: въ Америкѣ разъ освидѣтельствовали и переписали женщинъ, поступившихъ на одну фабрику; между ними было 16,360 совершенно здоровыхъ, 882 — средняго здоровья и 185 — слабаго здоровья. Спустя **восемь лѣтъ работы** на этой фабрикѣ оказалось между ними совершенно здоровыхъ 14,557, т. е. почти на двѣ тысячи меньше, чѣмъ раньше, а женщины средняго

здоровья — 2,385, т. е. почти въ три раза больше прежняго: втеченіе **восьми лѣтъ** число здоровыхъ уменьшилось на двѣ тысячи, а число слабыхъ увеличилось втрое.

Фабричная работа, особенно продолжительная, причиняетъ, кромѣ того, искривленія членовъ. Одинъ докторъ разсказываетъ, что въ 1832 году въ одномъ изъ кварталовъ Лондона трудно было найти человѣка съ прямыми колѣнями; у всѣхъ рабочихъ были блѣдныя, тупыя лица и согнутыя спины. Спустя 25 лѣтъ послѣ введенія болѣе короткаго дня въ томъ же мѣстѣ и по свидѣтельству того же доктора, уже напротивъ, трудно было встрѣтить спеціальныхъ фабричныхъ калѣкъ; лица у всѣхъ уже далеко не были такъ блѣдны, спины не такъ изогнуты, и вообще рабочіе имѣли гораздо болѣе бодрый, здоровый видъ, — все оттого, что имъ приходится меньше работать въ нездоровой обстановкѣ, и они могли болѣе отдыхать.

Вотъ еще цыфры для доказательства того, какъ гибеленъ для рабочихъ длинный рабочій день; въ слѣдующей таблицѣ вычислено, сколько человѣкъ умираетъ на каждую тысячу въ рабочей средѣ, и сколько въ богатомъ классѣ.

На каждую тысячу умираетъ въ классѣ

лѣтъ	богачей	рабочихъ	лѣтъ	богачей	рабочихъ
5	57	345	50	443	717
10	62	402	60	602	828
20	144	434	70	765	935
30	204	514	80	943	991
40	305	674			

Отчего происходитъ такая громадная разница? Главнымъ образомъ оттого, что рабочіе трудятся сверхъ мѣры, оттого, что съ ними обращаются хуже, чѣмъ со скотомъ*). Скотинѣ, по крайней мѣрѣ, даютъ отдыхъ; если лошадь работаетъ днемъ, то она отдыхаетъ ночью, такъ какъ хозяинъ знаетъ, что отъ чрезмѣрной работы лошадь можетъ пасть, и потому бережетъ ее, какъ свою собственность. До рабочаго же ему нѣтъ дѣла: если онъ заболѣлъ или умретъ, то хозяинъ безъ всякаго труда и безъ всякой потери для себя замѣнитъ его другимъ. Вотъ почему онъ безъ зазрѣнія совѣсти замучиваетъ своихъ рабочихъ работой, заставляя ихъ трудиться и днемъ, и ночью.

*) Огромная смертность среди рабочихъ зависитъ также и отъ незначительности ихъ заработка, который часто не позволяетъ удовлетворять самыя насущныя потребности; но вѣдь и низкая заработная плата, какъ мы раньше видѣли, является слѣдствіемъ слишкомъ длиннаго рабочаго дня.

А попробуйте вы поговорить съ нимъ объ этомъ, — онъ скорчитъ самую невинную физіономію. Какъ! развѣ онъ принуждаетъ своихъ рабочихъ трудиться сверхъ силъ? Вѣдь они сами ходятъ къ нему просить работы и добровольно соглашаются работать до поздней ночи! Такъ неужели хозяинъ долженъ заботиться объ отдыхѣ для рабочихъ? Ему выгодно забывать объ этомъ, но рабочіе должны объ этомъ помнить. Фабрикантъ, думающій только о томъ, чтобы машина не стояла ни минуты, дѣлитъ своихъ рабочихъ на двѣ смѣны, дневную и ночную, а въ обѣденное время будитъ ночныхъ рабочихъ, заснувшихъ послѣ тяжелой трудовой ночи, и заставляетъ ихъ замѣнить обѣдающихъ дневныхъ; фабрикантъ часто совсѣмъ не назначаетъ особаго времени для ѣды, рѣшивъ, что можно одновременно и работать и ѣсть. Намъ хорошо извѣстны всѣ средства и уловки, которыя употребляетъ фабрикантъ, чтобы удлинить рабочій день и тѣмъ еще больше замучить рабочаго.

Но мы не должны забывать всего вреда отъ непрерывной усиленной работы, должны всегда помнить, что намъ необходимъ отдыхъ.

До сихъ поръ мы разсматривали, какой вредъ приноситъ продолжительный рабочій день здоровью рабочаго; теперь посмотримъ, какое вліяніе онъ оказываетъ на его умственныя способности, на степень его пониманія. Доктора свидѣтельствуютъ, что рабочіе вообще стра-

дають нервнымъ разстройствомъ, т. е. головными болями и дурнымъ расположеніемъ духа, потому что, какъ вы знаете, каждый органъ соединенъ посредствомъ нервовъ съ мозгомъ, и страданіе одного органа отзывается страданіемъ же въ мозгу. Кромѣ того, какъ тоже вамъ извѣстно изъ предъидущаго, всякій органъ можетъ быть здоровъ только тогда, если онъ упражняется постоянно въ мѣру; если же мы какимъ-нибудь органомъ нашего тѣла совсѣмъ не будемъ работать, то онъ ослабнетъ. И дѣйствительно, такъ какъ рабочимъ, благодаря раздѣленію труда, приходится работать все меньшимъ числомъ органовъ, то остальные органы все больше ослабѣваютъ и вырождаются; такъ напр., у портныхъ, которымъ приходится работать сидя, обыкновенно слабыя и кривыя ноги.

Понятно, что все это относится и къ мозгу. Рабочему рѣдко приходится работать головой, а потому мозгъ у него постепенно слабѣетъ, тупѣетъ, становится менѣе воспріимчивымъ, менѣе способнымъ къ работѣ. И совершенно понятно, что чѣмъ больше рабочіе трудятся, тѣмъ больше они теряютъ свои способности, свой умъ, свое сознаніе. А такъ какъ слабость передается потомству, и отъ больныхъ родителей не могутъ рождаться здоровыя дѣти, то рабочіе съ каждымъ поколѣніемъ все больше слабѣютъ, болѣе тупѣютъ и вырождаются. Итакъ, рабочіе должны знать и понимать хорошенько, что **длинный рабочій день разстраиваетъ ихъ здоровье, лишаетъ ихъ силъ, притупляетъ ихъ умственныя способности,** и помнить объ этомъ должны **они сами,** такъ какъ хозяину и фабриканту нѣтъ до этого никакого дѣла: ему нужно имѣть извѣстное количество рабочихъ, а въ нихъ недостатка никогда не бываетъ. Чѣмъ тупѣе и неразвитѣе рабочіе, тѣмъ хозяину даже лучше, такъ какъ чѣмъ меньше они будутъ сознавать свое положеніе, тѣмъ меньше будутъ выказывать недовольства, тѣмъ меньше будутъ отстаивать свои права, устраивать стачки и вообще безпокоить особу хозяина.

Но сами рабочіе должны помнить, что они люди, должны знать, что для нихъ вредно, и **сами должны бороться противъ этого.** Хозяева изыскиваютъ средства, чтобы удлинить рабочій день, уменьшить заработную плату, словомъ, лишить рабочихъ здоровья и пониманія, чтобы безпрепятственно ихъ эксплуатировать и набивать свою мошну; рабочіе, въ свою очередь, должны отыскивать средства къ сокращенію рабочаго дня и тѣмъ самымъ способствовать увеличенію заработной платы; они должны требовать короткаго рабочаго дня, чтобы сберечь свое здоровье, чтобы имѣть больше времени для отдыха, чтобы имѣть, наконецъ, время и средства для своего образованія.

* * *

Кромѣ потери здоровья, рабочіе на фабрикахъ, вслѣдствіе различныхъ случайностей, становятся калѣками, остаются безъ ногъ, рукъ, пальцевъ, или же, попадая между колесами машины, убиваются на смерть. Что же служитъ виною подобныхъ несчастій? Причина опять-таки главнымъ образомъ въ длинномъ рабочемъ днѣ. Если рабочему приходится простаивать у машины 12, 13, 14 и 15 часовъ, не имѣя времени даже духа перевести; если у рабочаго никогда нѣтъ возможности хорошенько отдохнуть послѣ своей каторжной работы, отнимающей у него послѣднія силы; если, однимъ словомъ, рабочій подобенъ колесу машины, которое мало смазываютъ и заставляютъ постоянно вертѣться, то развѣ удивительно, что колесо ломается, растрескивается, теряетъ зубья и вообще перестаетъ вертѣться. Развѣ удивительно, что рабочему, у котораго все тѣло всегда измучено, словно разбито, у котораго голова еле держится на плечахъ и кружится отъ усталости, а въ глазахъ темнѣетъ, такъ какъ у него нѣтъ отдыха, — развѣ удивительно, спрашивается, что этому рабочему трудно уберечься отъ несчастныхъ случаевъ? А эти случаи бываютъ такъ часто, что просто страшно поду-

мать о томъ, сколько невинныхъ людей приносится въ жертву этому всепожирающему капиталу!

Но еслибы рабочій день былъ короче, еслибы рабочій могъ больше отдыхать, могъ сохранять сознаніе и ясность ума, то онъ былъ бы въ состояніи больше остерегаться и меньше подвергаться несчастіямъ на фабрикѣ. Въ справедливости этого насъ убѣждаетъ то обстоятельство, что несчастные случаи бываютъ гораздо рѣже по утрамъ, когда рабочій является на работу послѣ ночного отдыха, и особенно часто бываютъ вечеромъ, когда рабочій усталъ физически и умственно, и когда члены его разбиты. Если считать съ начала дневной работы до конца, то съ каждымъ часомъ число несчастныхъ случаевъ все увеличивается; только къ серединѣ дня, т. е. сейчасъ послѣ обѣденнаго отдыха, когда рабочіе немного расправляютъ свои утомленные члены, и отъ 6 до 7 часовъ вечера, во время чистки машинъ, число этихъ случаевъ снова уменьшается.*) Такимъ образомъ мы видимъ, когда рабочіе больше отдыхаютъ съ ними бываетъ меньше несчастныхъ случаевъ, но чѣмъ больше они трудятся, чѣмъ больше устаютъ, тѣмъ чаще подвергаются увѣчьямъ, благодаря которымъ десятки тысячъ людей остаются калѣками.

Но, возразите вы, не только длина рабочаго дня причиняетъ несчастія: вѣдь они бываютъ и по утрамъ, — отчего же они тогда происходятъ?

Прежде всего причину такихъ случаевъ надо искать въ самихъ условіяхъ труда; такъ напр., на фабрикахъ

---

*) Слѣдующая таблица составлена на основаніи статистики несчастныхъ случаевъ въ Германіи за 1887 г.

До обѣда: часы	число случ.	После обѣда: часы	число случ.
6-7	436	12-1	587
7-8	794	1-2	745
8-9	815	2-3	1037
9-10	1069	3-4	1243
10-11	1599	4-5	1178
11-12	1590	5-6	1306
		6-7	979

машины часто изъ экономіи поставлены такъ близко другъ къ другу, что рабочимъ положительно негдѣ повернуться, и потому неудивительно, если они попадаютъ между колесами, которыя отрубаютъ у нихъ руки, ноги и т. п. Слѣдовательно, здѣсь несчастія происходятъ отъ тѣсноты помѣщеній. Далѣе. И въ Россіи, и заграницей сотни тысячъ рабочихъ заняты работой въ каменноугольныхъ копяхъ (подземныхъ шахтахъ, въ родѣ рудниковъ); тамъ скопляется много вредныхъ газовъ, которые легко воспламеняются, производятъ взрывы и убиваютъ или уродуютъ всѣхъ работающихъ въ это время въ шахтахъ. Есть, правда, машины, которыя выкачиваютъ газъ изъ подземныхъ шахтъ, а также много другихъ средствъ, но все это стоитъ денегъ, а хозяева и владѣльцы копей и фабрикъ, богачи-милліонеры, жалѣютъ ихъ и предпочитаютъ предавать гибели сотни и тысячи рабочихъ, дрожа за свой карманъ и считая его гораздо дороже человѣческихъ жизней.

Вы, конечно, съ удивленіемъ спросите, неужели нѣтъ законовъ, обязывающихъ фабрикантовъ вводить у себя мѣры предосторожности противъ несчастныхъ случаевъ. Да, у насъ есть, правда, такой законъ, но онъ гласитъ слѣдующее: „Фабрикантъ, который не введетъ у себя мѣръ предосторожности, какія уже введены у его сосѣдей-фабрикантовъ, будетъ оштрафованъ“. Такова буква закона; но какъ же быть, если сосѣди-фабриканты не вводятъ у себя также никакихъ мѣръ, считая ихъ излишними? Вѣдь тогда и первый фабрикантъ считаетъ себя свободнымъ отъ всякихъ обязанностей по отношенію къ рабочимъ, и законъ остается простымъ звукомъ. Гдѣ-же правду-то искать? И какъ можетъ рабочій найти ее? По закону въ случаѣ несчастія рабочій долженъ доказать, что причиною его является хозяинъ, а не онъ, рабочій; но для этого ему нужны и время, и деньги, такъ что онъ совершенно безсиленъ противъ фабриканта; между тѣмъ послѣдній пользуется адвокатами, которыхъ онъ нанимаетъ за деньги и которые готовы доказать, что ему угодно и нужно, и истолковывать

законъ въ его пользу, да вообще при помощи денегъ можно не исполнять законы, которые, какъ мы знаемъ, писаны лишь для того, чтобы ихъ обходить.

Итакъ, ни на судѣ, ни въ законѣ не могутъ найти себѣ рабочіе защиты! Но вѣдь существуютъ, скажете вы, фабричные инспектора, которые обязаны наблюдать за фабриками, защищать рабочихъ отъ обидъ и притѣсненій предпринимателей и заботиться о предупрежденіи несчастныхъ случаевъ; почему же они не вмѣшиваются? Во-первыхъ, у насъ такъ мало фабричныхъ инспекторовъ, что они прямо не въ состояніи за всѣмъ присмотрѣть; во-вторыхъ, они тоже грѣшные люди, не лучше другихъ и далеко не прочь получить взятку; наконецъ, и самый законъ, какъ мы уже раньше видѣли, можно толковать, какъ угодно, а потому и отъ фабричныхъ инспекторовъ рабочимъ нечего ждать помощи.

Вотъ мы разсмотрѣли всѣ средства, при помощи которыхъ, казалось, можно было достигнуть нѣкотораго облегченія; въ числѣ ихъ былъ и законъ, и судьи, отъ которыхъ обыкновенно ждутъ помощи, — и мы видѣли, какъ много они помогаютъ рабочимъ. Да, они много помогаютъ! У насъ въ Россіи становятся ежегодно калѣками **десять тысячъ человѣкъ.**

Десять тысячъ! изъ двухъ милліоновъ всѣхъ рабочихъ — это вѣдь ужасно, скажете вы.

Это ужасно, но оно, къ сожалѣнію, такъ. Мѣръ, могущихъ предохранить отъ преждевременной смерти, не желаютъ ввести, для насъ нѣтъ ни законовъ, ни правды, такъ что же намъ дѣлать? Къ кому обратиться? Къ себѣ самимъ, къ своимъ же братьямъ-рабочимъ, которые несутъ то же иго и пьютъ ту же горькую чашу страданій.

Но спрашивается, когда же могутъ рабочіе поразмыслить о себѣ и въ особенности о своихъ братьяхъ и сестрахъ, о рабочемъ классѣ вообще? Съ работы онъ возвращается въ 10-11 час. веч. или даже позже; онъ усталъ, весь разбитъ, голова у него едва держится, дома у него холодно и тоскливо, усталыя дѣти спятъ, какъ убитыя; жена, трудившаяся цѣлый день, также легла спать. И ему только остается лечь на жесткую постель съ тѣмъ, чтобы утромъ снова отправиться на свою каторжную работу. И такъ изо дня въ день, всю жизнь — съ фабрики въ холодную темную каморку, и опять назадъ! Когда же тоска выгоняетъ его изъ дому на улицу, какія удовольствія можетъ онъ тамъ найти? Онъ отправляется въ кабакъ за стаканомъ водки, которая согрѣваетъ его измученное за день тѣло; тамъ онъ, кромѣ того, находитъ и карты, и билліардъ, которые разгоняютъ его тоску и возбуждаютъ въ немъ на время бодрость духа. И вотъ за этими удовольствіями у него снова нѣтъ времени подумать о своемъ положеніи, такъ какъ въ кабакѣ нѣтъ пищи ни для ума, ни для сердца, которое, благодаря этому, постоянно черствѣетъ, а рабочій съ каждымъ днемъ смотритъ все равнодушнѣе на себя и на все окружающее. Если же у него иногда выпадаютъ минуты сознанія, и онъ видитъ и понимаетъ свое несчастное положеніе, то какъ онъ можетъ помочь себѣ? Не имѣя времени подумать о самомъ себѣ, приласкать жену или дѣтей, можетъ-ли онъ подумать о другихъ, заботиться о нуждахъ рабочаго класса? Итакъ, рабочіе все грубѣютъ, потому что жизнь ихъ проходитъ или при машинѣ, или въ кабакѣ, или въ холодномъ, темномъ углу, безъ книгъ и безъ удовольствій, могущихъ повліять благотворно на характеръ человѣка такъ, чтобы онъ отличался отъ дикаго звѣря!

Однако еслибъ рабочіе работали меньше, они не были бы такъ измучены и разслаблены и не чувствовали потребности оживлять себя рюмкой водки: вернувшись рано домой, они застали бы жену и дѣтей въ ожиданіи ужина и, найдя дома отдыхъ, не принуждены были бы убѣгать изъ дому въ кабакъ. Въ Англіи, напр., втеченіе 25 лѣтъ послѣ введенія болѣе короткаго рабочаго дня, пьянство среди рабочихъ сильно уменьшилось. Если же длинный рабочій день вліяетъ такимъ образомъ на родителей, то какъ должно это вліяніе отражаться на

дѣтяхъ, на образованіи ихъ характера? Мы знаемъ вѣдь, что въ рабочей средѣ въ самомъ дѣлѣ происходятъ такія дѣла, которыя даютъ поводъ утверждать врагамъ ихъ, что рабочіе испорчены, развращены и т. п.

Но можетъ-ли быть иначе? — вотъ вопросъ. Можетъ ли быть иначе, если заработокъ ихъ, благодаря слишкомъ длинному рабочему дню, крайне малъ, если рабочіе, чтобы имѣть возможность просуществовать, должны посылать на фабрику женъ и дѣтей; если, наконецъ, дѣти рабочихъ находятся постоянно вмѣстѣ со взрослыми и присутствуютъ при такихъ рѣчахъ и сценахъ, при которыхъ не должны были бы присутствовать. У насъ въ Россіи находятся всегда вмѣстѣ взрослые рабочіе и дѣти, мужчины и женщины, и не только во время работы, — могутъ-ли рабочіе при такихъ условіяхъ не развращаться? Могутъ-ли дѣти оставаться честными, если они видятъ вокругъ себя множество примѣровъ произвола, грабежа и самаго безнаказаннаго насилія, если самъ хозяинъ, богатый фабрикантъ, думаетъ лишь о томъ, какъ бы больше награбить, какъ бы отнять у рабочаго его жалкіе гроши? У кого же учиться рабочимъ нравственности?

* * *

Итакъ мы видѣли, что у рабочихъ нѣтъ ни малѣйшей возможности выростать честными и нравственными людьми, такъ какъ жизнь ихъ проходитъ на фабрикѣ, а послѣ работы у нихъ не остается ни минуты времени подумать о своемъ положеніи, совершенствовать свой характеръ, развивать свои вкусы и учиться; мы видѣли, что чрезмѣрная работа лишаетъ рабочихъ и силъ, и здоровья, и умственныхъ способностей, что благодаря чрезмѣрной работѣ заработная плата крайне низка и не даетъ возможности удовлетворять самыя насущныя потребности; мы видѣли, наконецъ, что чрезмѣрная работа дѣлаетъ рабочихъ калѣками и служитъ причиной ихъ преждевременной смерти, что она заставляетъ ихъ посылать своихъ слабыхъ дѣтей чуть-ли не съ шестилѣтняго возраста на фабрику, гдѣ они теряютъ здоровье и преждевременно старѣются. **Все это является для рабочихъ слѣдствіемъ длиннаго раб. дня.**

Поэтому, чтобы увеличить свою заработную плату, чтобы сберечь здоровье и жить столько же, какъ и другіе люди, чтобы не находиться въ положеніи рабочаго скота, не сознающаго своего положенія, чтобы имѣть возможность учиться, чтобы и дѣтей своихъ воспитать честными людьми и предотварить ихъ отъ разврата и преступленій, чтобы имѣть, наконецъ, досугъ подумать о дѣлахъ и нуждахъ, какъ своихъ, такъ и всего рабочаго класса, для всего этого **необходимо направить всѣ усилія на то, чтобы меньше приходилось работать, чтобы добиться, слѣдовательно, болѣе короткаго рабочаго дня.**

Но какъ же достигнуть этого? Какимъ образомъ добиться сокращенія рабочаго времени?

Что касается рабочихъ-ремесленниковъ, то для нихъ это на первыхъ порахъ очень простое дѣло. У насъ въ Россіи есть законъ, по которому рабочіе-ремесленники не должны трудиться болѣе 10 часовъ въ день, съ обязательными перерывами въ полчаса на завтракъ и полтора часа на обѣдъ; законъ этотъ существуетъ болѣе ста лѣтъ. Онъ гласитъ: „Ремесленные рабочіе часы въ сутки суть: отъ шести часовъ утра до шести часовъ вечера, исключая полчаса на завтракъ и полтора часа на обѣдъ и отдыхъ" (431 ст. Уст. о пром, т. XI., ч. 2)

Однако законъ этотъ не соблюдается, такъ какъ хозяевамъ мастерскихъ невыгодно соблюдать его, а рабочіе — темные, невѣжественные люди — не знаютъ о его существованіи и не понимаютъ той пользы, которую онъ можетъ имъ принести. Поэтому неудивителкно, что во многиыъ мастерскихъ рабочій день продолжается 12, 13 и 14 часовъ.

Какъ же рабочимъ достигнуть того, чтобы работа длилась лишь 10 ч. въ день? Что имъ для этого дѣлать?

Они должны прежде всего разъяснить другъ другу

всѣ выгоды болѣе короткаго рабочаго дня; затѣмъ, имъ слѣдуетъ подавать на имя губернаторовъ прошенія за подписями всѣхъ рабочихъ о томъ, чтобы при посредствѣ полиціи заставили хозяевъ-ремесленниковъ отпускать своихъ рабочихъ послѣ 12 часовъ труда.

Возможно, что какой-нибудь рабочій спроситъ: „Зачѣмъ мнѣ говорить съ рабочими и разъяснять имъ выгоды короткаго рабочаго дня? Я лучше самъ подамъ прошеніе губернатору и укажу ему, что въ такихъ-то и такихъ-то мастерскихъ не исполняютъ закона о 10-ти часовомъ днѣ; тогда полиція, навѣрное, заставитъ хозяевъ исполнять законъ, а я, такимъ образомъ, окажу безъ всякаго труда рабочимъ большую услугу“.

Подобное разсужденіе лишено всякаго основанія: до тѣхъ поръ, пока рабочіе сами не проникнутся сознаніемъ пользы и необходимости короткаго рабочаго дня, они будутъ содѣйствовать полиціи въ обходѣ закона; они будутъ говорить полиціи, что работаютъ 12 час., будутъ прятаться во время осмотра полиціей мастерскихъ, а потомъ вновь приниматься за работу. Такъ до сихъ поръ обыкновенно и бывало. Значитъ, только тогда, когда рабочіе дѣйствительно поймутъ важное значеніе для нихъ короткаго рабочаго дня и сознательно станутъ добиваться его, имъ можно будетъ осуществить свои желанія.

Впрочемъ, хотя и существуетъ законъ и работники желали бы работать меньше, этого все еще мало для того, чтобы въ дѣйствительности трудиться не больше 10 час.: хозяева прекрасно знаютъ, что противъ полиціи есть очень удобное и простое средство — сунуть въ руки нѣсколько рублей, и тогда — лишь бы рабочіе согласны были работать 12 и 13 часовъ — полиція ужъ не станетъ вмѣшиваться; а потому хозяева преспокойно отказываютъ тѣмъ изъ своихъ подмастерьевъ, которые не желаютъ работать болѣе 10 часовъ.

Слѣдовательно, главнымъ средствомъ рабочихъ-ремесленниковъ для сокращенія рабочаго дня являются стачки, т. е. совершенное оставленіе работы до тѣхъ поръ, пока

хозяинъ не пойдетъ на условія, поставленныя рабочими.

Такъ обстоитъ дѣло относительно рабочихъ-ремесленниковъ. Фабричныхъ же рабочихъ вышеупомянутый законъ совершенно не касается, да и ремесленниковъ, какъ мы видѣли, онъ защищаетъ лишь тогда, когда они сами настойчивой борьбой заставляютъ исполнять его. Поэтому фабричные рабочіе должны полагаться только на самихъ себя.

Но могутъ-ли они довольствоваться 10-тичасовымъ рабочимъ днемъ, не будетъ-ли это съ ихъ стороны слишкомъ скромнымъ требованіемъ? Каждый изъ васъ, конечно, отвѣтитъ: нѣтъ, мы не можемъ этимъ довольствоваться, мы знаемъ теперь, что чѣмъ короче рабочій день, тѣмъ лучше для насъ всѣхъ. Правда, на многихъ фабрикахъ въ Россіи работаютъ по 13, 14 и даже больше часовъ въ день; для рабочихъ этихъ фабрикъ и 12-тичасовый рабочій день былъ бы сравнительно уже большимъ облегченіемъ, но добившись его, они всетаки не должны останавливаться на этомъ, такъ какъ отсюда еще далеко до сноснаго существованія, отвѣчающаго потребностямъ и достоинству человѣка, а не рабочаго скота; поэтому, имъ надо будетъ воспользоваться своей побѣдой лишь для того, чтобы, собравшись съ силами, добиваться все новыхъ и новыхъ уступокъ. Кромѣ того, во многихъ мѣстахъ рабочій день и теперь уже продолжается лишь 10 часовъ, и рабочіе тамъ далеко не довольны своею участью да и не могутъ быть довольны. Такъ напр., въ Петербургѣ на всѣхъ механическихъ казенныхъ заводахъ артеллерійскаго и морскаго вѣдомствъ, а также на нѣкоторыхъ другихъ рабочій день (не считая сверхсрочной работы) продолжается отъ 6 час. утра до 6 часовъ вечера, за исключеніемъ двухъ часовъ на завтракъ и обѣдъ: но работа на этихъ заводахъ очень тяжела и изнурительна, такъ что послѣ такого трудового дня рабочіе не въ состояніи почти заниматься своимъ умственнымъ развитіемъ; число же несчастныхъ случаевъ на такихъ заводахъ бываетъ очень велико. Поэтому 10-тичасовый день ни въ какомъ слу-

чаѣ не можетъ удовлетворить ни ремесленниковъ, ни фабричныхъ рабочихъ. Какого же рабочаго дня имъ добиваться? По утвержденію врачей и другихъ свѣдущихъ людей, **нормальнымъ рабочимъ днемъ,** т. е. такимъ, при которомъ здоровье рабочаго не подвергается опасности, можетъ считаться **только восьмичасовый рабочій день.** И дѣйствительно, лишь при сокращеніи ежедневной работы до восьми часовъ, трудъ не изнуряетъ рабочаго, не притупляетъ его способностей, и потому оказывается для него сравнительно мало вреднымъ; лишь при этомъ условіи рабочіе могутъ вполнѣ разумно наслаждаться отдыхомъ, насколько это для нихъ возможно, могутъ посвящать время своему развитію и участію въ дѣлахъ всего рабочаго класса; наконецъ, лишь тогда ихъ заработная плата можетъ повыситься до того, чтобы имъ доставить сносное существованіе. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ ни введенъ былъ 8-мичасовый рабочій день, онъ вездѣ оказывалъ самое благотворное вліяніе на матеріальное положеніе рабочихъ, на ихъ здоровье, а также на ихъ умственное и нравственное развитіе. Такіе примѣры бывали и у насъ въ Россіи. Такъ, недавно, въ Могилевской губ. на одной писчебумажной фабрикѣ, возлѣ Гомеля, введенъ былъ въ видѣ опыта 8-мичас. рабочій день, вмѣсто прежняго 12-тичасоваго, и результаты оказались самыми блестящими. Рабочими на этой фабрикѣ были крестьяне окрестныхъ деревень; большинство ихъ были уже безземельные, а у кого хозяйство еще было кое-какое, оно было совершенно запущено. Между рабочими сильно было развито пьянство. И вотъ, по прошествіи всего пяти мѣсяцевъ со введенія восьмичасоваго рабочаго дня положеніе рабочихъ совершенно измѣнилось. Крестьяне, имѣвшіе землю, получили возможность снова взяться за ея обработку, а безземельные стали понемногу выходить изъ прежней нищеты и обзаводиться хозяйствомъ; пьянство среди рабочихъ значительно уменьшилось. Такихъ примѣровъ можно было бы привести множество. Рабочіе въ другихъ странахъ (въ Англіи, Франціи, Германіи,

Австріи, Америкѣ) давно уже поняли, какое значеніе имѣетъ для нихъ 8-мичас. раб. день и рѣшили всюду добиваться его; между прочимъ, съ этою цѣлью они учредили **всемірный рабочій праздникъ 1-го мая** (по нашему счету 19-го апрѣля); въ этотъ день рабочіе бросаютъ работу и, проходя по улицамъ городовъ стройными тысячными толпами съ распущенными знаменами, требуютъ введенія восьмичасоваго рабочаго дня. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имъ это уже удалось, несмотря на самое упорное сопротивленіе фабрикантовъ, которые боятся восьмичасоваго рабочаго дня, словно чумы, хотя бы введеніе его и не причинило имъ непосредственныхъ денежныхъ убытковъ. Имъ нужны рабочіе невѣжественные, забитые, покорные, и они знаютъ, что съ сокращеніемъ рабочаго дня исчезнетъ забитость и невѣжество рабочихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ придетъ конецъ и ихъ собственному господству надъ рабочими. Вотъ почему они такъ сопротивляются этому и съ такимъ ужасомъ смотрятъ на то, что рабочіе всюду одерживаютъ все новыя побѣды. „8 час. труда, 8 час. сна и 8 час. отдыха и наслажденій!“ вотъ чего требуютъ наши братья заграницей. Этого же должны добиваться и мы, русскіе рабочіе. Тутъ надо обратить вниманіе на одно важное обстоятельство. Очень часто, если рабочимъ и удается завоевать себѣ болѣе короткій рабочій день, то хозяева пускаютъ въ ходъ послѣднюю уловку, которая вводитъ прежній рабочій день или даже еще больше удлиняетъ его; уловка эта, тѣмъ не менѣе, поддѣваетъ на удочку многихъ рабочихъ, вводя ихъ въ заблужденіе тѣмъ, что нововведеніе будто бы не противорѣчитъ интересамъ рабочихъ. Мы говоримъ о **сверхурочной работѣ,** которая оплачивается нѣсколько лучше, нежели обыкновенная дневная работа. А именно, когда кончается установленный рабочій день, фабрикантъ предлагаетъ рабочимъ остаться за работой еще нѣсколько часовъ, причемъ за каждый сверхурочный часъ платится обыкновенно столько, сколько за полтора часа обыкновенной работы. Такой порядокъ существовалъ, напр., на выше-

упомянутыхъ механическихъ заводахъ въ Петербургѣ. Обыкновенно рабочій день продолжается отъ 6 часовъ утра до 6 час. веч.; но въ случаѣ экстренной работы онъ продолжается до 10 час. веч., причемъ за лишніе четыре часа платится какъ за 6 (а иногда и меньше). Сверхурочная работа составляетъ большое зло для рабочихъ, хотя многіе изъ нихъ и не сознаютъ этого. Но послѣ всѣхъ предыдущихъ разсужденій вамъ уже не трудно будетъ понять происходящій отъ нея вредъ. Нечего, конечно, говорить о томъ, что съ введеніемъ сверхурочной работы снова повторяются всѣ ужасныя послѣдствія чрезмѣрнаго труда: вырожденіе тѣлесное и духовное, забитость рабочихъ, огромное количество несчастныхъ случаевъ, преждевременная смерть: все это очевидно для всякаго. Но то, что единственно привлекаетъ рабочихъ въ сверхурочной работѣ — увеличеніе заработка -- сплошь и рядомъ оказывается напрасной надеждой. Сверхсрочная работа вызываетъ тѣ же явленія, что и удлиненіе рабочаго дня вообще; какъ мы уже знаемъ, число изготовляемыхъ продуктовъ увеличивается, поэтому число необходимыхъ рабочихъ сокращается, и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается число безработныхъ; они же понижаютъ обыкновенную заработную плату — поштучную или поденную — до того, что въ концѣ концовъ, несмотря на добавочную плату, заработокъ рабочихъ не только остается прежнимъ, но еще больше падаетъ. Напротивъ, если рабочіе при экстренномъ производствѣ откажутся отъ сверхурочной работы, то фабрикантъ принужденъ будетъ занять новыхъ рабочихъ, а это уменьшитъ число безработныхъ, а слѣд., рабочимъ легче добиться повышенія заработной платы. Не введетъ же онъ новыхъ машинъ для одного заказа, чтобы потомъ онѣ стояли безъ дѣла. Наконецъ, кромѣ всего этого, сверхурочная работа вноситъ разъединеніе и раздоръ въ среду самихъ рабочихъ, такъ какъ одни, семейные напр., зарясь на кажущееся или временное улучшеніе заработка, соглашаются на введеніе сверхурочной работы, а другіе, для которыхъ свободное время

дороже нѣсколькихъ копѣекъ, не желаютъ ея; эта рознь отнимаетъ у рабочихъ единственное средство улучшить свою участь, т. е. возможность объединенія и дружной борьбы съ хозяевами. Итакъ, никогда не слѣдуетъ забывать, что, добиваясь сокращенія рабочаго дня, необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ требовать и уничтоженія сверхурочной работы, особенно тамъ, гдѣ она обязательна. Но опять-таки, какъ же достигнуть исполненія своихъ требованій фабричнымъ и заводскимъ рабочимъ? Вѣдь для нихъ не существуетъ даже того закона, который ограждаетъ рабочихъ мелкихъ ремесленныхъ заведеній отъ произвола хозяевъ. Если ремесленникамъ безъ упорной совмѣстной борьбы не удается отстоять своихъ законныхъ правъ, то для фабричныхъ рабочихъ и подавно **стачка** является почти единственнымъ средствомъ какъ для того, чтобы вынудить у правитетьства изданіе фабричнаго закона, ограничивающаго число часовъ труда.

Но чтобы рабочіе могли сразу прекратить работу, чтобы они могли крѣпко держаться во время стачки и не отступать отъ своихъ требованій, они должны объединиться, должны заключить союзъ; только соединившись въ союзы, рабочіе будутъ питать довѣріе другъ къ другу, будутъ сознавать свои общіе интересы, будутъ поддерживать другъ друга; только вступивъ въ рабочій союзъ, каждый рабочій можетъ быть увѣренъ, что никто не станетъ работать раньше, чѣмъ всѣ будутъ удовлетворены въ своихъ требованіяхъ, только тогда, наконецъ, будутъ рабочіе крѣпко держаться во время стачки.

Кромѣ того, для устройства стачки необходимо имѣть средства, которыми можно было бы существовать забастовавшимъ рабочимъ во время стачки и не приходилось бы сейчасъ сдаться за неимѣніемъ средствъ къ жизни; съ этою цѣлью рабочіе, объединяясь въ союзы, должны откладывать, кто что можетъ, въ общую кассу про черный день, должны собирать деньги сообща, словомъ, должны устраивать общія **рабочія кассы.** Заклю-

чивъ союзы, устроивъ кассы, крѣпко стоя другъ за друга, такъ, чтобы если одни бросятъ работу, другіе не становились на ихъ мѣсто, рабочіе добьются всего; они послѣдовательно достигнутъ все болѣе и болѣе короткаго дня, вплоть до восьмичасоваго, а наряду съ этимъ добьются и другихъ важныхъ уступокъ и улучшенія своего положенія. При этомъ вамъ не надо забывать, что всѣ эти улучшенія полезны и выгодны для рабочихъ и не выгодны для фабрикантовъ и хозяевъ; поэтому, рабочіе всегда должны полагаться только на самихъ себя и не надѣяться ни на какихъ благодѣтелей.

Пусть рабочіе объединяются и будутъ все дѣлать сообща, пусть они сложатъ свои маленькія отдѣльныя силы, и тогда образуется одна громадная сила, тогда рабочіе достигнутъ сокращенія рабочаго дня и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчатъ и внесутъ свѣтъ въ свою тяжелую трудовую жизнь.

Объединеніе, союзъ, борьба за короткій рабочій день — есть первое и главное средство для улучшенія жизни рабочихъ!!!

ПРИЛОЖЕНІЕ

Упорная борьба русскихъ рабочихъ, а особенно петербургскихъ, за сокращеніе рабочаго дня заставила пойти на уступки. 2-го іюня текущаго (1897) года былъ изданъ законъ о нормировкѣ рабочаго дня, такъ-наз. „законъ объ 11½-часовомъ рабочемъ днѣ“. Онъ былъ кратокъ, и дополнить его предоставили министру финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Дополненія были составлены къ 20-му сентября въ видѣ „Правилъ о продолжительности и предѣлахъ рабочаго времени“ и „Инструкціи чинамъ фабричной инспекціи“. Дѣйствіе новаго закона и правилъ распространяются: 1) на всѣ фабрики, заводы и мастерскія, имѣющія не менѣе 16 чел. рабочихъ или механическій двигатель (также ручные станки), 2) на копи и всю горную промышленность, на золотые и платиновые промыслы и 3) на желѣзнодорожныя мастерскія (ст. 1), — на очень большой, слѣдовательно, кругъ рабочихъ. Посмотримъ, что же даетъ имъ новый законъ.

Законъ далеко не одинаковъ для разныхъ рабочихъ, и потому, на сколько законъ ограничиваетъ продолжительность рабочаго дня у различныхъ группъ рабочихъ, мы можемъ подраздѣлить ихъ на три категоріи.

Въ первую группу попадутъ рабочіе, занятые такъ-называемыми вспомогательными работами: текущимъ ремонтомъ, уходомъ за котлами, двигателями и приводами, отопленіемъ, водоснабженіемъ и освѣщеніемъ фабрично-заводскихъ зданій, сторожевой и пожарной службой; какъ напр., такими работами, безъ предварительнаго исполненія которыхъ промышленное заведеніе не можетъ быть въ опредѣленное время пущено въ дѣйствіе, такъ и такими, которыя должны быть производимы по необходимости послѣ работы (ст. 14). Этимъ рабочимъ

законъ предоставляетъ только одно право, а именно — **право закусывать не рѣже, какъ разъ въ 6 часовъ** (ст. 9); **это единственное право, которое предоставляется всѣмъ рабочимъ по новому закону. Для этихъ рабочихъ нѣтъ праздниковъ, для нихъ не установлены также никакія нормы рабочаго времени.** Кочегаръ, напр., какъ разъясняетъ Инструкція, обязанъ работать около 15 часовъ безъ всякихъ перерывовъ въ тѣхъ заведеніяхъ, гдѣ установленъ 11½-часовый рабочій день. Въ случаѣ же сверхурочной работы, рабочій день для кочегара можетъ достигать 18 и болѣе час. Законъ не ограничиваетъ также продолжительности рабочаго дня рабочихъ, занятыхъ починками и ремонтомъ, въ случаѣ пожара, порчи котловъ и машинъ, разстройствъ въ механизмахъ, приборахъ, разныхъ постройкахъ, если такого рода несчастные случаи вызываютъ прекращеніе работъ во всемъ заведеніи или въ отдѣльной его части. — Этой категоріи рабочихъ новый законъ, слѣдовательно, ничего не даетъ.

Ко второй категоріи относятся всѣ рабочіе, занятые въ производствахъ, въ которыхъ, по самому характеру производства, нельзя допускать перерыва въ работѣ безъ порчи приборовъ, обрабатываемыхъ матеріаловъ или приготовляемыхъ издѣлій (ст. 13). Въ такихъ производствахъ число рабочихъ часовъ для отдѣльнаго рабочаго въ теченіе двухъ послѣдовательныхъ сутокъ не должно превышать 24 час., а въ теченіе тѣхъ двухъ сутокъ, на которыя приходится ломка смѣнъ — 30 (ст. 13 а). Каждый рабочій, занятый въ такомъ производствѣ, долженъ быть совершенно свободенъ въ теченіе 24 часовъ сряду три раза въ мѣсяцъ, если онъ работаетъ по 8 часовъ въ сутки, и 4 раза въ мѣсяцъ, если онъ работаетъ больше восьми час. въ сутки (ст. 13 б)

Послѣднее правило не обязательно; согласно Инструкціи, фабричный инспекторъ можетъ допускать отступленія отъ этого правила, т. е. лишать рабочихъ суточнаго отдыха. Для этой категоріи рабочихъ, какъ и для первой, законъ не устанавливаетъ одночасоваго перерыва для отдыха послѣ 10-часовой непрерывной работы. Такимъ образомъ, не много даетъ законъ и этой категоріи рабочихъ.

Къ третьей категоріи относятся всѣ остальные фабричные и заводскіе рабочіе. Инструкція указываетъ одно исключеніе: законъ не распространяется на тѣ промышленныя заведенія, гдѣ рабочій является уже не нанимаемымъ лицомъ, а лицомъ, исполняющимъ заказъ. Онъ не примѣняется, слѣдовательно, въ тѣхъ случаяхъ, когда въ договорѣ не опредѣлено ни прямо, ни косвенно то время, которое рабочій долженъ употреблять на работу или въ теченіе котораго онъ долженъ находиться въ заведеніи. Слѣдовательно, добрая половина рабочихъ, работающихъ за поштучную плату, можетъ быть поставлена внѣ дѣйствія закона 2-го іюня. Они могутъ продолжать работать по 14 и 16 часовъ.

Для тѣхъ же рабочихъ, на которыхъ распространяется дѣйствіе новаго закона, устанавливается 11½-часовой рабочій день, если работа совершается только днемъ (ст. 5), и десятичасовой, если работа совершается хотя отчасти ночью, между 9 часами вечера и 5 час. утра (ст. 6). При восемнадцатичасовой работѣ двумя смѣнами число рабочихъ часовъ въ сутки можетъ быть увеличено до двѣнадцати съ тѣмъ, чтобы въ среднемъ по разсчету за двѣ недѣли, рабочее время для каждаго рабочаго не превосходило 9 часовъ въ сутки (ст. 7). Устанавливается праздничный отдыхъ — 52 воскресенья и 14 праздниковъ (ст. 10). Въ эти дни рабочіе должны отдыхать не менѣе 24 часовъ сряду (ст. 11). Вмѣсто праздниковъ отдыхъ можетъ даваться въ будни (ст. 12). Католики и протестанты могутъ работать въ православные праздники, но законъ ничего не говоритъ о томъ, что они имѣютъ право на отдыхъ въ свои праздники, не празднуемые православными. Не-христіане, (напр., евреи) могутъ отдыхать вмѣсто воскресенья въ другой день недѣли (напр., въ субботу); но въ законѣ опять-таки ничего не сказано о тѣхъ праздникахъ не-христіанъ, которые не празднуются православными. Та-

кимъ образомъ, для православныхъ законъ устанавливаетъ 66 дней отдыха въ году, для неправославныхъ (католиковъ, евреевъ) гораздо меньше, всего 52 (ст. 10).

Наканунѣ воскресеній и праздниковъ не должно работать болѣе 10 час. Въ канунъ Рождества Христова работа должна быть кончена не позже полудня. Наконецъ, для рабочихъ этой категоріи устанавливается по меньшей мѣрѣ часовой перерывъ для обѣда и отдыха, если рабочій день больше десяти часовъ. Конечно, и тутъ допускаются самыя широкія исключенія, — если только такой перерывъ „стѣснителенъ" для фабриканта „по самому свойству производства", или стѣснителенъ для рабочихъ (ст. 8).

Таковъ законъ 2-го іюня. Для однихъ рабочихъ онъ не даетъ ничего; для другихъ — 12-часовый рабочій день и 36 (или 48) дней отдыха въ году; для третьихъ — 11½- и 10-час. раб. день и 66 дней отдыха въ году. Это не много. Но и эта уступка требованіямъ рабочихъ сопровождаются такимъ числомъ исключеній, что законъ этотъ можетъ не принести рабочимъ никакой пользы, если только они сами, собственными силами, (путемъ стачекъ и требованій) не добьются того, что фабричные инспектора будутъ толковать законъ въ ихъ пользу, а не въ пользу хозяевъ. Но мы не упомянули еще о главномъ исключеніи, дѣлающимъ весь новый законъ почти безполезнымъ для рабочихъ, — именно, о сверхурочныхъ работахъ.

Новый законъ подраздѣляетъ сверхурочныя работы на два разряда. Къ первому разряду относится работа обязательная. Рабочій не можетъ отказаться отъ ихъ исполненія. Эти работы имѣютъ мѣсто въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Если, по причинѣ пожара или вообще нарушенія естественнаго хода производства вслѣдствіе несчастнаго случая, работы во всемъ заведеніи или части его были прекращены или сокращены, — разрѣшается производить временныя сверхурочныя работы, необходимыя „для полнаго хода другихъ отдѣловъ заведенія" (ст. 15 б).

2) Въ „исключительныхъ, особо важныхъ случаяхъ" министръ финансовъ разрѣшаетъ сверхурочныя работы по своему усмотрѣнію, съ согласія мин. внут. дѣлъ.

3) Разрѣшаются работы технически необходимыя, т. е. такія, которыя вызваны исключительно случайными и притомъ зависящими отъ свойствъ производства отклоненіями отъ нормальнаго его хода. Эти работы считаются обязательными для рабочаго лишь тогда, когда въ правилахъ внутренняго распорядка указаны случаи, при которыхъ эти работы должны быть производимы, а въ расцѣнкѣ, тарифахъ и т. п. означены остальныя условія ихъ производства (ст. 11, прим.).

4) Далѣе, къ числу обязательныхъ сверхурочныхъ работъ Инструкція относитъ также сезонныя работы, „если для владѣльца заведенія затруднительно увеличить число рабочихъ". Конечно, для хозяина всегда затруднительно увеличить число рабочихъ, такъ какъ въ сезонное время рабочія руки дороги. Если прибавить сюда еще спѣшныя работы, напр., въ типографіяхъ, гдѣ печатаются газеты и журналы, — то оказывается, что сверхурочная работа разрѣшается всегда, когда только нужна она капиталисту.

5) Наконецъ, сюда же относятся работы, удовлетворяющія „не терпящимъ отлагательства потребностямъ государства" и разныя работы на путяхъ сообщенія: работы, нужныя для срочнаго отхода судовъ, нагрузка вагоновъ, починка и спускъ судовъ и т. п.

Эти обязательныя сверхурочныя работы несомнѣнно значительно удлиняютъ рабочій день. Пользуясь этими правилами, рабочихъ можно заставить работать лишнихъ два часа въ день, разъ только это нужно хозяину. Такимъ образомъ, **новый законъ вовсе не обязываетъ хозяина держаться 11½- или 10-часоваго дня; пользуясь обязательными сверхурочными работами, онъ можетъ заставить рабочаго работать 14 и 16 часовъ.**

Но не всегда же можетъ хозяинъ найти достаточныя причины, чтобы на законныхъ основаніяхъ заставить рабочаго работать 14 ч. въ сутки. Нашъ законъ пред-

усматриваетъ подобное затруднительное положеніе хозяина. Поэтому, сверхъ вышеуказанныхъ обязательныхъ сверхурочныхъ работъ законъ устанавливаетъ еще необязательныя. Это — работы, назначаемыя предпринимателемъ по своему усмотрѣнію, сверхъ всѣхъ перечисленныхъ выше работъ, и урочныхъ, и сверхурочныхъ. Число сверхурочныхъ часовъ каждаго рабочаго, занятаго этими необязательными работами, не должно превосходить 120 въ годъ (ст. 18). Такимъ образомъ, когда остроуміе капиталиста истощится, и онъ не подыщетъ достаточной причины для обязательныхъ сверхурочныхъ работъ, — онъ можетъ воспользоваться своимъ правомъ заставить рабочаго проработать на себя лишнихъ 120 часовъ въ годъ*). Эти 120 часовъ онъ можетъ взять у рабочаго въ одинъ мѣсяцъ, — а тамъ, если и дальше не будетъ „законныхъ основаній" для обязательныхъ сверхурочныхъ работъ, — разсчесть его и въ тотъ же день нанять снова. При наймѣ же на опредѣленный срокъ хозяинъ можетъ заставить рабочаго отработывать эти 120 часовъ хоть каждый мѣсяцъ.

Законъ вовсе не содержитъ указаній на то, какъ будутъ наказаны нарушившіе его. — Да и къ чему это, когда законъ на столько удобенъ для предпринимателей, что и нарушать не надо будетъ: вѣдь можно „по закону" удлинить рабочій день до любого количества часовъ, — до 14, 16, словомъ, до того числа часовъ, сколько работала фабрика или заводъ до изданія новаго закона.

Но если законъ такъ плохъ, почему мы назвали его „уступкой" со стороны правительства? По двумъ причинамъ. Во-первыхъ, правительство издало его для „успокоенія" петербургскихъ рабочихъ, стачки которыхъ

---

*) Законъ говоритъ, что необязательныя сверхурочныя работы исполняются „по соглашенію" между хозяиномъ и рабочимъ, — значитъ, рабочій воленъ отказаться отъ исполненія такого рода работъ. Но кто же не знаетъ, что у хозяина-капиталиста есть тысячи средствъ заставить рабочаго „согласиться" исполнить всякое хозяйское требованіе?

въ 1896 и 1897 гг. были не стачками противъ отдѣльныхъ капиталистовъ, а стачками противъ всего класса капиталистовъ и его пособника — царскаго правительства. Когда стачка дѣлается противъ отдѣльнаго капиталиста, бастуетъ одна фабрика. Въ Петербургѣ бастовали сразу всѣ главныя фабрики въ прядильно-ткацкой промышленности и нѣсколько механическихъ заводовъ. Всѣмъ было извѣстно, что министръ финансовъ запретилъ фабрикантамъ дѣлать уступки рабочимъ. Рабочимъ нужно было, поэтому, сломить упорство не фабрикантовъ, а самого правительства. И рабочіе сдѣлали это. Правительство само сознaлось въ томъ, что оно уступило силѣ рабочихъ. 13-го января 1897 г. рабочіе были успокоены и возвращены къ работѣ обѣщаніемъ сократить рабочій день съ 16-го апрѣля. Такимъ образомъ, рабочіе узнали свою силу и уступчивость царскаго правительства передъ силою.

Во-вторыхъ, законъ 2-го іюня несомнѣнно облегчитъ рабочимъ борьбу за улучшеніе своего положенія. Новый законъ таковъ, что его можно толковать и въ пользу хозяевъ, и въ пользу рабочихъ. Все зависитъ отъ того, что будетъ исполняться на самомъ дѣлѣ, — самъ-ли законъ, или Правила и Инструкціи, изданныя министромъ финансовъ. Въ законѣ просто сказано, что рабочій день не долженъ превышать 11½ и 10 часовъ; изъ числа сверхурочныхъ работъ обязательными признаются только „необходимыя по техническимъ условіямъ производства". Другое мы видимъ въ Правилахъ и Инструкціи, изданныхъ министромъ. Къ числу обязательныхъ для рабочаго сверхурочныхъ работъ относятся тамъ даже спѣшныя работы въ сезонное время. Такимъ образомъ, если законъ устанавливаетъ 11½ и 10-часовый рабочій день, то распоряженія министра финансовъ устанавливаютъ 14 и 16-часовый рабочій день. Отъ рабочихъ будетъ зависѣть, будетъ-ли исполняться законъ или распоряженія министра. Въ Петербургѣ фабриканты побоятся пользоваться всѣми тѣми лазейками, которыя оставлены для нихъ въ новомъ законѣ. Петербургскіе

рабочіе съумѣютъ повернуть законъ въ свою пользу, не будутъ работать болѣе 10 и $11^{1}/_{2}$ часовъ. Другое дѣло — рабочіе въ другихъ мѣстахъ. Они врядъ-ли съумѣютъ избавиться отъ сверхурочныхъ работъ сразу. Но изданіе закона 2-го іюня облегчаетъ имъ борьбу за сокращеніе рабочаго дня. Добиться того права, которое признаетъ за рабочими законъ, гораздо легче, чѣмъ добиться тѣхъ правъ, которыя не признаются закономъ за рабочими. Такимъ образомъ, рабочіе собственными усиліями должны добиться исполненія новаго закона и прекращенія всякихъ сверхурочныхъ работъ, допущенныхъ не самимъ закономъ, а распоряженіями министра. Для этого рабочимъ нужна сила, сила же кроется въ союзѣ, въ единодушіи.

Законъ 2-го іюня входитъ въ силу 1-го января 1898 г.
